

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/JSKOXX>
УДК 821.161.2.0
ББК 83.3(4Укр)52

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР СТИХОТВОРЕНИЯ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО «ДУМКА (ТЕЧЕТ ВОДА В СИНЕ МОРЕ...)» И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ВОССОЗДАНИЯ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ПЕРЕВОДЕ

© 2022 г. В.И. Гуменюк

*Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия*

Дата поступления статьи: 31 мая 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 02 июня 2022 г.

Дата публикации: 25 сентября 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-280-297>

Аннотация: Переводы поэтических произведений Т. Шевченко наиболее полно представлены в симферопольских изданиях «Сайлама шиирлер» [«Избранные стихотворения»] (1940) и «Далекий і близький – Узакъ ве якъын – Шевченко» (1999). Существенный вклад в эту сферу внесли, в частности, такие поэты Нового времени, как И. Абдураман, Ю. Кандым, Ш. Селим. Среди них и А. Велиев, перу которого принадлежат переводческие интерпретации таких лирических произведений автора, как «Не женись на богатой», «Родила меня мать», а также «Думка (Течет вода в сине море...)». Последнее произведение в сравнении с его крымскотатарским переводом является основным объектом изучения в предлагаемой публикации. В центре здесь фигура странника, терпящего мытарства на чужбине и сокрушающегося на морском берегу над своей участью. Поэтике стихотворения присуща лаконично выразительная метафорично-красочная образность. Устоявшаяся ассоциация течения воды с неумолимым бегом времени сочетается с поэтическими раздумьями над тяжестью человеческой судьбы. В интерпретации А. Велиева адекватно переданы жанрово-стилевые, версификационные, образно-композиционные и другие особенности оригинала. В их воссоздании переводчик, в соответствии с поэтикой первоисточника, апеллирует к поэтическим средствам народной песни.

Ключевые слова: Тарас Шевченко, Аблязиз Велиев, лирика, фольклорные традиции, художественный перевод.

Информация об авторе: Виктор Иванович Гуменюк — доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, пер. Учебный, д. 8, 295015 г. Симферополь, Крым, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7636-7445>

E-mail: olvimy@mail.ru

Для цитирования: *Гуменюк В.И.* Художественный мир стихотворения Тараса Шевченко «Думка (Течет вода в сине море...)» и особенности его воссоздания в крымскотатарском переводе // *Studia Litterarum.* 2022. Т. 7, № 3. С. 280–297.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-280-297>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 3, 2022

FIGURATIVE WORLD OF POEM BY TARAS SHEVCHENKO "A MEDITATION (WATER IS FLOWING TO THE BLUE SEA...)" AND THE PECULIARITIES OF ITS RECREATION IN CRIMEAN TATAR TRANSLATION

© 2022. Viktor I. Humeniuk

*Fevzi Yakubov Pedagogical and Engineering University,
Simferopol, Russia*

Received: May 31, 2021

Approved after reviewing: June 02, 2022

Date of publication: September 25, 2022

Abstract: Crimean Tatar translations of Taras Shevchenko's poetic compositions are most perfectly represented in Simferopol publications as "Saylama sheerler" ["The elected Works"] (1940) and "Far and Near – Uzaq ve yaqyn – Shevchenko" (1999). A substantial contribution to this sphere was done particularly by such modern poets as Isa Abduraman, Yunus Kandym, Shakir Selim. Abylyaziz Veliyev is also among them, being the author of the poetical interpretations of such Shevchenko's lyrics as "Don't marry the rich one," "Mother Gave Birth to Me" and also "A meditation (Water Is Flowing to the Blue Sea...)." The last composition and the comparison of it with Crimean Tatar translation is the main object of studying in the suggested publication. Personality of the stranger, who endures the ordeals at foreign land and thinks about his misfortune, being at sea coast, is in the centre of the composition. Laconically impressive metaphorical-picturesque imagery is characteristic to the poetics of this work. Permanent association of water flowing with irreversible flying of time is connected here with the poetic thoughts about the difficulties of human's destiny. Genre-stylistic, versification, image-composition and other peculiarities of the origin are conveyed appropriately in Crimean Tatar interpretation by A. Veliyev. Conveying these peculiarities, the translator absolutely in accordance to the poetics of the origin, tactfully and spectacularly appeals to the poetic means of folk song.

Keywords: Taras Shevchenko, Abylyaziz Veliyev, lyrics, folklore traditions, literary translation.

Information about the author: Viktor I. Humeniuk, DSc in Philology, Professor, Senior Researcher, Research Institute of Crimean Tatar Philology, History and Culture of Crimean ethnoses, Fevzi Yakubov Engineering and Pedagogical University, Uchebnyi lane, 8, 295015 Simferopol, Crimea, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7636-7445>

E-mail: olvimy@mail.ru

For citation: Humeniuk, V.I. "Figurative World of Poem by Taras Shevchenko 'A Meditation (Water Is Flowing to the Blue Sea...)' and the Peculiarities of its Recreation in Crimean Tatar Translation." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 280–297. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-280-297>

Крымскотатарские переводы поэтических произведений Тараса Шевченко начали появляться в печати в 20–30-е гг. прошлого столетия. Весомым вкладом в эту сферу стал выход в 1940 г. сборника избранных произведений автора, где представлены очерк о жизни и творчестве поэта и его стихотворения в крымскотатарских интерпретациях таких переводчиков, как Амди Алим, Шамиль Алядин, Осман Амит, Ибраим Бахшыш, Зинабадин Келямов, Гульсум Мухамедова, Максут Сулейман, Юнус Темиркая и др. [16]. Сведения об освоении представителями крымскотатарской культуры наследия украинского классика представлены, в частности, в составленном Григорием Рудницким энциклопедическом справочнике «Тарас Шевченко и Крым» [9, с. 11–14, 26, 115, 175, 244, 247], в публикациях Юнуса Кандыма [5], Александра Губаря [2], Михаила Вишняка [1]. В наше время творчество Т. Шевченко представлено на крымскотатарском языке наиболее полно в изданном в 1999 г. сборнике «Далекий і близький – Узакъ ве якъын – Шевченко» [12]. Наряду с прежними переводами здесь помещены интерпретации стихотворений и поэм Т. Шевченко, осуществленные такими мастерами поэтического слова Нового времени, как Иса Абдураман, Юнус Кандым, Шакир Селим. Среди них и Аблязиз Велиев – известный современный поэт, прозаик, драматург, литературовед, фольклорист. Художественный перевод, в частности произведений украинской литературы, занимает в его творчестве заметное место.

В существующих на нынешний день публикациях, несмотря на детальные сведения справочного характера, почти отсутствуют аналитические материалы относительно упомянутых довольно многочисленных переводов. По сути, не рассматриваются особенности соответствующих ин-

терпретаций поэзии Т. Шевченко. Таких публикаций, как, например, статья Ление Демирджаевой об одной из крымскотатарских версий «Завещания» украинского поэта [4], крайне мало. В некоторой степени восполнить этот пробел призвана предлагаемая статья, представляется целесообразным с помощью аналитического и сопоставительно-сравнительного методов очертить характерные образно-тематические, стилевые, композиционные, версификационные черты одного из ранних поэтических произведений Т. Шевченко и особенности их воссоздания в крымскотатарском переводе А. Велиева.

Известно, что творчество Т. Шевченко зарождается и развивается в широком интертекстуальном пространстве, что, например, особое значение в художественном мире автора приобретают исторические реминисценции, библейские образы и мотивы. Понятно, что феномен Шевченко невозможно постичь без учета его связей с живительной стихией украинского фольклора, о чем красноречиво свидетельствует уже инспирированный самим автором общепринятый титул его поэтического наследия — «Кобзарь». Это название, а также и особенности образно-композиционной структуры многих поэтических произведений Т. Шевченко обнаруживают существенное влияние на творчество автора такого специфического фольклорного жанра, как украинская дума, притом не меньшее влияние имеет и украинская народная песня. С думами можно в значительной степени соотнести пространные стихотворения и поэмы Т. Шевченко, а с песнями — его лирические миниатюры. Иногда автор называет такие непосредственно ориентированные на народно-песенные традиции стихотворения красноречивым заглавием — «Думка». Несколько стихотворений с таким названием принадлежат к ранней лирике поэта. Среди них — «Думка (Течет вода в сине море...)», произведение, впервые опубликованное в составленном Евгением Гребинкой литературном альманахе «Ластівка» (Петербург, 1841) [17].

Очевидно, А. Велиев не случайно выбрал для своей переводческой интерпретации среди других лирических сочинений Т. Шевченко и это стихотворение. Ведь в нем речь идет о вынужденных странствиях лирического героя в дальние чужие края, о мытарствах за пределами отчизны. Эта тематика созвучна и с ностальгическими настроениями автора (стихотворение написано в 1838 г. в Петербурге), и с его пророческим предчувствием своей

дальнейшей нелегкой судьбы. Подобная тематика близка не только А. Веллеву, но и множеству крымских татар, даже тем, кто ввиду юного возраста не знал невзгод и лишений в далеких краях, но все же слышал о них от своих родных и близких [7].

Стихотворение, как упоминалось, непосредственно связано с народно-песенными традициями, на что обращают внимание исследователи, в частности Нина Чамата, отмечающая, что ведущая в произведении тема поисков молодым казаком доли, мотивы и образы, через которые эта тема решается, имеют многочисленные параллели с украинскими народными песнями. Это, к примеру, такие песни, как «Ой не шуми, луже, зеленый байраче» («Ой не шуми, луг, зеленый буерак»), «Ой не шуми, луже, дібровою дуже» («Ой не шуми, луг, дубравою сильно»), «Ой зелений дубе, чого похилився» («Ой зеленый дуб, что же ты склонился»). Эти и другие подобные песни опубликованы в фольклорных сборниках, в частности подготовленных к печати Г.К. Сидоренко [15, с. 182–183], Н.С. Шумадой [13, с. 247–248]. По мнению Н. Чаматы, стихотворение «Думка (Течет вода в сине море...)» — «яркий образец напевного интонационного стиля, который превалировал в творчестве раннего Шевченко». Среди факторов этого стиля — «народно-песенные образы и лексика элегического характера (мотив поиска доли, персонифицированные образы сердца и мысли, образы чужбины, чужих людей, горя, плача, постоянные эпитеты, изысканная и разветвленная система повторов» [10, с. 445–446]. Вместе с тем Н. Чамата вполне резонно подчеркивает, что ориентированность на народную поэзию не оборачивается у автора ее копированием: «Стихотворение воспринимается как произведение литературное, прежде всего благодаря присущим уже первым поэтическим опытам Шевченко особой структурной уравновешенности, четкости, завершенности — чертам, не таким приметным для произведений фольклора с их вариативностью. Важны здесь также литературные признаки стихотворной организации» [10, с. 445].

Стихотворение написано традиционным в определенных жанрах украинского фольклора и весьма характерным для Т. Шевченко «коломыйковым» размером, легкая игривость которого эффектно контрастирует с грустным содержанием. Вместе с тем оно представляет собой не характерную для фольклорной поэтики изысканную вязь восьмистрочных строф, каждая из которых очерчивает определенные этапы в развитии

лирического сюжета, в котором довольно явственны элементы сюжета повествовательного, фабульного. Это, как и многие другие аспекты поэтики произведения, красноречиво подтверждает высказываемые исследователями соображения о несомненной литературной самобытности во многом ориентированного на фольклорные традиции рассматриваемого стихотворения поэта.

Поэтике произведения присуща лаконично выразительная метафорически-живописная образность, осязаемая уже в первой строфе. Устоявшаяся ассоциация течения воды с неумолимым бегом времени, со скоротечностью жизни сочетается здесь с поэтическими раздумьями над тяжестью человеческой судьбы. Связанное с фигурой печального странника обыгрывание образов воды, текущей в море, и бескрайней морской шири помогает довольно выразительно представить социально очерченную картину — бедовый казак-скиталец в поисках лучшей доли прибыл к далекому от его дома морскому побережью. Неусыпность морской стихии созвучна переживаниям лирического героя («Грає синє море, / Грає серце козацьке») и побуждает к печальным раздумьям:

Тече вода в синє море,
Та не витікає,
Шука козак свою долю,
А долі немає.
Пішов козак світ за очі,
Грає синє море,
Грає серце козацьке,
А думка говорить...
(Течет вода в синє море,
Да не вытекает,
Ищет казак свою долю,
А доли все нет.
Пошел казак, куда глаза глядят,
Играет синє море,
Играет сердце казацкое,
А мысль говорит) [18, с. 79].

Трудно согласиться с Н. Чаматой, по чьему мнению в этом стихотворении якобы нет «элементов психологизации образа героя» [10, с. 445]. Ведь именно с художественным психологизмом связана диалогичность, выразительно явленная уже в этом раннем произведении поэта, диалогичность, которая, как подчеркивает Валерия Смилянская, принадлежит к приметным чертам поэзии Т. Шевченко [8, с. 226–230]. На эту особенность лирики поэта указывает в своей монографии также В.П. Мовчанюк [6]. Автор достигает изысканной художественной психологизации лирического повествования, представляя своеобразный диалог скитальца с самим собою. Вторая строфа является обращением к нему вроде бы посторонней, в какой-то мере персонифицированной мысли, как бы отделенной от его тревог, хотя на самом деле глубоко связанной с ними:

Куди ти йдеш, не спитавшись,
 На кого покинув
 Батька, неньку старенькую,
 Молоду дівчину?
 На чужині не ті люди,
 Тяжко з ними жити:
 Ні з ким буде поплакати,
 Ні поговорити...
 (Куда идешь, не спросившись,
 На кого покинул
 Отца, матушку старенькую,
 Молодую девушку?
 На чужбине не те люди,
 Тяжко с ними жить,
 Не с кем ни поплакать,
 Ни поговорить) [18, с. 79].

Думка (размышление) помогает страннику несколько выйти за пределы своих страданий, а следовательно, отчетливее представить всю сложность своего положения. Упоминание о дорогих, родных людях и тяжелых злоключениях в дальней стороне среди людей чужих — этот контраст красноречиво подчеркивает представление казака о горькой участи, судившейся ему.

Выражение «на тім боці» («на той стороне»), фигурирующее в завершающей строфе, дает возможность предположить, что скиталец не просто прибыл к побережью, а пересек море, оказался на противоположном его берегу. Ощущение такой шири и связанный с ней образ путей, «заросших терниями», усиливают грустные эмоции страдальца и осознание безысходности своего положения:

Сидить козак на тім боці, —
Грає синє море,
Думав, доля зустрінеться, —
Спіткалося горе.
А журавлі летять собі
На той бік ключами.
Плаче козак — шляхи биті
Поросли тернами
(Сидит казак на той стороні, —
Играє синє море,
Думал, доля зустрітється, —
Повстречалось горе.
А журавлі летять себе
На ту сторону ключами,
Плачєт казак — пути проторенные
Поросли терниями) [18, с. 79].

Характерная для образно-композиционной структуры произведения система живописных контрастов развивается в завершающей строфе с помощью лаконичного упоминания летящих журавлей. Этот штрих подчеркивает, что герою не дано так легко, как перелетным птицам, вернуться домой, и придает особую отчетливость драматизму его ситуации.

Шевченковский казак тяжело переживает свою долю, даже плачет. Все же отстраненность от каких-либо иллюзий, осознание своего реального состояния существенно отдаляет его фигуру, его внутренний мир от слезливой сентиментальности. Она, несомненно, присутствует в произведении, но, очевидно, преодолевается склонностью к стоическому восприятию любых, даже самых тяжелых испытаний.

Рассмотренные особенности лирической миниатюры автора преимущественно сохранены и воссозданы в крымскотатарском переводе А. Велиева — «Тюшюндже (Мор денъизге акъа сувлар...)».

Аблязиз Велиев, как отмечалось, принадлежит к наиболее известным и авторитетным современным крымскотатарским поэтам. Существенное место в творчестве автора занимают художественные переводы, прежде всего поэтические. Это связано с тем, что лирическую поэзию можно считать основной сферой его творческих интересов. Поэтические сборники А. Велиева, такие, как «Мелек копюри» («Мост ангелов»), 1997, «Кетмень, къушлар, Ватандан» («Не оставляйте, птицы, Родины»), 2007, «Ватан тюркюрлери» («Песни Отчизны»), 2009, «Йырла сазым» («Играй, мой саз»), 2009, и др., снискали признательность читателей и критики.

Изысканное взаимодействие, взаимопроникновение разнообразных тематических мотивов, прежде всего любовных и патриотических, характерно для поэзии автора. Ее приметной чертой является теплая задушевность, проникновенная лиричность, которая обогащается и оттеняется широкой гаммой иных интонационных красок. Неотделимая от эмоциональной чуткости, деликатности и поэтому столь убедительная публицистичность, присущая стилистике А. Велиева, открытость суровым реалиям прошлого и современности. Подчиняясь многогранной поэтической символической, эта публицистичность преимущественно приобретает черты философичной медитативности, часто проявляющейся в особой образной пластичности и афористической упругости строк и строф. Важно отметить еще одну существенную черту стилистики автора. Это внутренняя мелодичность, неповторимая музыкальность его поэтической речи, подчеркнутая четкостью и изысканностью ритмики, точными и звучными рифмами или же красноречивой игрой точных и приблизительных рифм, внутренней рифмовкой, межстрочными звуковыми параллелями, аллитерациями, ассонансами, рефренными повторами и т. д. Поэтому кажется совсем не случайным, что много его произведений, таких, например, как «Беяз геми» («Белый корабль»), «Бинъбашкъорай» («Тысячеглавое перекаати-поле»), положены на музыку и стали широко известными песнями. Во многих лирических произведениях автора раскрывается драматизм человеческих отношений, вместе с тем характерны для него стихотворения, в которых преобладают радостно-возвышенные и в то же время нежно-ласковые чув-

ства. Поэт плодотворно развивает традиции народной песни и, в частности, не раз прибегает в стихотворениях к изысканному метафорическому параллелизму, к гиперболической образности и иным поэтическим средствам, характерным для крымскотатарского песенного фольклора. Все эти особенности лирики поэта по-своему проявляются и в его переводческом мастерстве, обуславливают глубокую органичность обращения к творчеству Т. Шевченко, в частности к его стихотворениям, в которых весьма существенна своеобразная трансформация фольклорных образов и мотивов, в том числе и к стихотворению «Думка (Течет вода в сине море...)».

В своем варианте стихотворения Т. Шевченко «Думка (Течет вода в сине море...)» переводчик не копирует так называемого «коломыйкового» размера, нехарактерного для крымскотатарского стихосложения, а обращается к иной, такой же игривой метроритмике, довольно распространенной в фольклорной лирике крымских татар. В основе этого песенного стихосложения — сочетание в одной строчке двух разделенных цезурой четырехсложных стоп, преимущественно последовательно сменяющееся, чередующееся с сочетанием в последующей строчке так же разделенных цезурой четырехсложной и трехсложной стоп. Некоторые отклонения от такой четкой и последовательной ритмической основы преимущественно не случайны, а содействуют передаче внутреннего смятения, взволнованности лирического героя.

Уже в первой строфе перевода сохранена и воссоздана характерная для оригинала контрастно-живописная образность:

Мор деньызге акъа сувлар,
 Акъа, акъа, ич битмей.
 Озь талийин казак алай,
 Талий исе корюнмей.
 Кете казак, бильмей къайда,
 Мавы деньыз эт ойнай,
 Казак юреги ойнай,
 Тюшендже исе айта...
 (В синевато-лиловое море текут воды,
 Текут-текут неустанно,
 Свою долю казак ищет,

Но доли не видит [не ощущает].
 Пошел казак незнамо куда,
 Синее море все играет,
 Казачье сердце играет,
 А мысль говорит...) [12, с. 55].

Постоянный эпитет «синее» в переводе варьируется. Здесь море сначала — «мор» («синеватое, лиловое»), а затем все же — «маве» («синее»). Эта вариативность несколько отдалена от оригинала, но она вносит, в общем, не чуждую оригиналу динамику, созвучную его как образной, так и ритмической игривости. Подчеркивание авторской лексикой этой игривости четко воссоздается в переводе: «Мавы денъиз эт ойнай, / Казак юреги ойнай». Довольно сложно в переводе передать такой фразеологизм «світ за очі», но, очевидно, используемое в крымскотатарской интерпретации выражение «бильмей къайда» («незнамо куда») довольно точно отвечает его сути.

В переводе, как и в оригинале, фигурируют созвучные уже упоминавшейся игривости и легкости поэтического изложения чересстрочные рифмы. Причем так же, как и у автора, сначала идут довольно точные глагольные рифмы (*витакае – немае: битмей – корюнемей*), а затем появляются рифмы не столь точные, как бы расплывчатые (*море – говорить: ойнай – айта*). Такая звуковая динамика содействует акцентированию тревожности внутреннего состояния лирического героя.

Важные образные, интонационные детали, контрастные противопоставления сохранены и в последующей строфе перевода:

Ташлап, къайда кетесинъ сен,
 Бабанъны, къарт ананъны,
 Ве кимлерге къалдырасынъ
 Севген яп-яш ёсманъны.
 Гъурбетликте инсанлар ят,
 Оларнен зордыр яшав.
 Агълашмагъа алмаз зерят,
 Сырдашмагъа бир зат
 (Куда ты идешь, покинув

Отца, старую мать,
 И на кого оставляешь
 Любимую, совсем юную красавицу?
 На чужбине люди чужие [посторонние],
 С ними крайне сложно жить,
 Поплакать не с кем,
 Тайны доверить некому) [тз, с. 55].

У Шевченко слово «покинул» касается всех упомянутых близких людей, а в переводе герой идет, покидая («ташлап») родителей, он оставляет («къалдырасынь — оставляешь») девушку. Здесь вновь, как и в случае с «мор» и «мавы» («синеватый» и «синий»), вносится отсутствующая в оригинале, но притом не чуждая ему динамика. «Молодая девушка» в переводе приобретает определение более пространное, более романтизированное: «Севген яп-яш ёсманъны» («Любимая, еще такая совсем юная красавица [чаровница]»). Все же эти продиктованные преимущественно необходимостью сохранения стихотворной формы синтаксические смещения, трогательные колоритные детали не разрушают авторской образности, интонационности, по-своему их дополняют и подчеркивают.

Если первая чересстрочная рифма этой восьмистрочной строфы целиком соответствует авторской, хоть и несколько точнее ее (*покинув – дівчину: ананъны – ёсманъны*), то вторая существенно отходит от такой точности (*жити – поговорити: яшав – зат*; сохранено лишь соответствие гласного *a*). Но все же эта неточность по-своему компенсируется точным созвучием иных строк. В переводе последних четырех строк этой строфы фактически изменяется способ подачи рифм — рифмуются не вторая и четвертая строки четверостишия, а первая, третья и четвертая: *ят – ... – зєрят – зат*. Это можно считать явным отступлением от версификационных особенностей оригинала. Все же в общем контексте произведения можно найти такой смене подачи рифм некоторое оправдание: это изменение соответствует особому душевному состоянию лирического героя. К тому же подчиненная такой цели смена способов рифмовки в пределах одного произведения нередко встречается в крымскотатарской народной песне. Отмеченная замена способа подачи рифм может быть в какой-то мере оправдана еще и дополнительным обстоятельством. Именно в центральной строфе стихотворения

наблюдается отход от связанного с передачей внутренних переживаний героя авторского повествования к диалогу казака с самим собой, собственно говоря, к голосу его мысли.

Зато в завершающей строфе перевода все рифмы чересстрочные, как и в оригинале, и такие же точные: *денъиз – ялынъыз, тарафларгъа – отларгъа*. Это крайне важно, ибо соответствует особо ощутимому именно здесь вышеупомянутому стоицизму, сообщенному автором лирическому герою, мужественным нотам, появляющимся в ведущей печально-элегической тоналности произведения:

О ялыда тура казак,
 Эп ойнай мавы денъиз.
 Талий растлар белледи,
 Кедер булды ялынъыз.
 Турналарсе уча кокте
 Башкъа тарафларгъа.
 Агълай казак — ёллар бозукъ,
 Комюльгенлер отларгъа
 (На том берегу сидит казак,
 Все играет синее море.
 Долю встретить надеялся,
 Встретил только грусть.
 Журавли же летят в небе
 В иные дали.
 Плачет казак — пути разрушенные
 Погрузились в травы) [12, с. 55].

В переводе этой строфы, как и в переводе строф предыдущих, в основном переданы тонкие оттенки авторских интонаций, переливы настроения, композиционные особенности оригинала, образные детали. Все же относительно красноречивой образной детали, фигурирующей в последних двух строчках, можно высказать определенное сомнение. Здесь переводчик не совсем корректно передал значение такого выражения, как «битий шлях». В этом выражении слово «битий» («битый») не прочитывается как «разбитый, изувеченный, разрушенный, поломанный...». «Битий шлях»,

как указывается в академическом толковом словаре украинского языка, — это «широкий проторенный путь» [14, с. 170]. То есть путь, битый ногами, копытами, колесами и т. д., вследствие чего вполне пригодный к использованию. И тот факт, что именно такие пути, когда-то удобные и благоприятные в странствовании, в том числе и в возвращении домой, стали малопроездимыми, поросшими колючими терниями (в переводе — «комюльгенлер отларгъа» — «погруженными в травы»), вызывает чувство особой тоски. При переводе выражения «поросли тернами», переводе, несомненно, интересном и поэтичном, все ж, наверное, целесообразно было бы воспользоваться опытом крымскотатарской народной песни «Дагъларын ёллары» («Горные пути»), начинающейся такой строчкой: «Дагъларын ёллары долудыр дикен» («Горные пути полны острых колючек») [11, с. 203]. «Пути, пролегающие через горы, — отмечает исследовательница О. Гуменюк, анализируя эту песню, — конечно же, непросто преодолевать, тем более, когда они усеяны камнями или колючками от растений» [4, с. 44].

Стихотворение Т. Шевченко «Думка (Течет вода в сине море...)» — характерный образец ранней лирики поэта. В нем народно-песенные образы и мотивы приобретают своеобразное авторское переосмысление, в частности благодаря изысканной психологизации поэтического изложения, сочетанию легкой игривости с глубоким внутренним драматизмом, элегическими интонациями, благодаря особой четкости и завершенности образно-композиционной структуры. Все эти черты авторского письма в основном удачно переданы в осуществленном А. Велиевым крымскотатарском переводе произведения — «Тюшюндже (Мор денъизге акъа сувлар...)».

В любой интерпретации литературного текста, научной, сценической, в том числе и переводческой, первоочередной задачей является адекватное, соответствующее первоисточнику восприятие его как определенной многоуровневой целостности, так же как и уяснение, воссоздание различных аспектов его структуры, прежде всего образной системы. Конечно, четкие грани между художественной прозой и поэзией трудноуловимы, но все же в поэтическом тексте и образность, и ее систематизирование имеет свою несомненную специфику. Метафоричность, символика и иные параметры художественности здесь, как правило, приобретают особую интенсивность и значимость. Традиционные, в частности присущие многим мифологически-фольклорным системам, образы текущей воды (ассоциация с неумо-

лимым бегом времени, мимолетностью человеческой судьбы), перелетных птиц (символ разлуки с родной землей и возможность — в данном случае невозможность — возвращения), играющие ключевую роль в стихотворении Т. Шевченко, четко воссозданы переводчиком. Особую, едва ли не центральную роль в образной системе как оригинала, так и перевода играет панорама морского безбрежья. Подчеркивается многогранность символики этого образа. Образ играющего, переливающегося волнами моря контрастно и в то же время гармонично сочетается с мятежностью внутреннего мира лирического героя. Море здесь — это также таинственная неумолимая стихия, отделяющая горемычного странника от родного берега.

В поэтическом переводе, как известно, особую роль играет также воссоздание версификационных особенностей оригинала. В связи с различностью лингвистических систем, культурных традиций эти особенности далеко не всегда удается представить идентично. Но все же это не значит, что их невозможно представить адекватно, не значит, что здесь не может быть преодолевающих эту сложность творческих решений. Анализируемый перевод А. Велиева в этом смысле весьма показателен. Как отмечалось, переводчик не копирует так называемого «коломыйкового» размера, нехарактерного для крымскотатарского стихосложения. В освоении и адаптации особенностей метроритмики авторского стиха переводчик в полном соответствии с поэтикой первоисточника тактично и эффектно апеллирует к поэтическим средствам народно-песенной лирики и, в частности, что естественно для крымскотатарского поэтического текста, обращается к ритмике и рифмовке, присущим народной песне крымских татар.

Иногда переводчик не совсем точен в воссоздании тех или иных реалий первоисточника, отходит от последовательной у автора чересстрочной подачи рифм, прибегает к ее иному способу, ослабляет характерную для Т. Шевченко контрастность образности. Все же подобных сомнительных мест в переводе крайне мало. С целью сохранения стихотворной формы в некоторых случаях переводчик, пользуясь синонимами, дополнительными поэтическими деталями, вносит в лирическое изложение отсутствующую в оригинале, но все же не чуждую ему образно-интонационную динамику.

В общем, как видно из приведенного выше сравнительного анализа, крымскотатарская версия одного из ранних стихотворений Т. Шевченко

адекватно воссоздает жанрово-стилевые, версификационные, образные, композиционные и другие особенности оригинала.

Дальнейший анализ версий поэтических произведений Т. Шевченко, осуществленных А. Велиевым, а также И. Абдураманом, Ш. Селимом, Ю. Кандымом и другими переводчиками, даст возможность более предметно представить особенности крымскотатарской рецепции творчества украинского классика и, следовательно, дальше выйти за пределы прева-лирования соответствующих публикаций преимущественно справочного характера.

Список литературы

Исследования

- 1 *Вишняк М.Я.* Тарас Шевченко і його слово в кримському полікультурному середовищі // *Культура народів Причорномор'я: научний журнал.* 2013. № 261. С. 109–112.
- 2 *Губар О.* Обнімітьсь, брати мої... – Къучакълашынь, меним къардашларым... // *Далекий і близький – Узакъ ве якъын – Шевченко: переклад вибраних творів Т. Шевченка кримськотатарською мовою / упорядник В.М. Басиров.* Сімферополь: Доля, 1999. С. 6–53.
- 3 *Гуменюк О.* Увада учан телли турна – В небі лине ключ журавлів. Художнє осягнення драматизму любовних стосунків у кримськотатарській народній пісні. Сімферополь: Кримнавчпеддержвидав, 2012. 176 с.
- 4 *Демірджасєва Л.* «Заповіт» Тараса Шевченка у перекладацькій інтерпретації Ешрефа Шем'ї-заде // *Науковий вісник Ужгородського університету / Серія: Філологія, соціальні комунікації.* 2014. Вип. 1 (31). С. 88–90.
- 5 *Кандим Ю.* Кримськотатарська література і Шевченко // *Шевченківська енциклопедія: в 6 т.* Київ: НАН України, Ін-т літератури ім. Т.Г. Шевченка, 2013. Т. 3. С. 590–593.
- 6 *Мовчанюк В.П.* Медитативна лірика Т.Г. Шевченка. Київ: Наукова думка, 1993. 146 с.
- 7 *Музафаров Р.* Анатомія депортации кримских татар. Симферополь: Тарпан, 2011. 168 с.
- 8 *Смілянська В.* Шевченкознавчі розмисли: збірник наукових праць. Київ: НАН України, Ін-т літератури ім. Т.Г. Шевченка, 2005. 491 с.
- 9 *Тарас Шевченко і Крим: енциклопедичний довідник / упорядник Г.А. Рудницький.* Сімферополь: Таврія, 2001. 288 с.
- 10 *Чамата Н.* «Думка – Тече вода в синє море» // *Шевченківська енциклопедія: в 6 т.* Київ: НАН України, Ін-т літератури ім. Т.Г. Шевченка, 2012. Т. 2. С. 444–446.

Источники

- 11 Алиев Ф. Антология крымской народной музыки – Къырым халкъ музыкасы-нынъ антологиясы. Симферополь: Крымучпедгиз, 2001. 600 с.
- 12 Далекий і близький – Узакъ ве якъын – Шевченко: переклад вибраних творів Т. Шевченка кримськотатарською мовою / упорядник В.М. Басиров. Симферополь: Доля, 1999. 224 с.
- 13 Закувала зозуленька: антологія української народної творчості / упорядкування, передмова та примітки Н.С. Шумади. Київ: Веселка, 1989. 608 с.
- 14 Словник української мови: в 11. Київ: Наукова думка, 1979. Т. 1. 800 с.
- 15 Українські народні пісні. Родинно-побутова лірика: у 2 т. / упорядкування, підготовка текстів та примітки Г.К. Сидоренко. Київ: Дніпро, 1965. Т. 2. 528 с.
- 16 Шевченко Т.Г. Сайлама шиірлер. Симферополь: Кърымдвнешр, 1940. 48 с.
- 17 Шевченко Т. Думка (Тече вода в синє море...) // Ластовка: сочинения на малоросийском языке / собрал Е. Гребенка. СПб.: Изд-е книготорговца Василия Полякова, 1841. С. 312–313.
- 18 Шевченко Т. Зібрання творів: у 6 т. Київ: Наукова думка, 2003. Т. 1: Поезія 1837–1847. 784 с.

References

- 1 Vishniak, M.Ya. “Taras Shevchenko i iogo slovo v kryms'komu polikul'turnomu seredovyshchi” [“Taras Shevchenko and his Word in Crimean Poly-cultural Environment”]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, no. 261, 2013, pp. 109–112. (In Ukrainian)
- 2 Hubar, O. “Obnimites' braty moi... – K"uchak"lasyhyn" menim k"ardashlarym...” [“Hug, my Brothers...”]. *Dalekyi i blyz'kyi – Uzak" ve iak"yn – Shevchenko: Pereklad vybranykh tvoriv T. Shevchenka kryms'kotatars'koiu movoiu* [Fare and Near Shevchenko: Translation of T. Shevchenko's Selected Works into Crimean Tatar Language], comp. V. Basyrov. Simferopol, Dolia Publ., 1999, pp. 6–53. (In Ukrainian and Crimean Tatar)
- 3 Humeniuk, O. *Uvada uchan telli turna – V nebi lyne kliuch zhuravliv. Khudozhne osiahnennia dramatyizmu lubovnykh stosunkiv u kryms'kotatars'kiy narodnii pisni* [Crane Wrench Flies in the Sky. The Artistic Comprehension of Love Relations' Drama in Crimean Tatar Folk Song]. Simferopol, Krimnavchpedderzhvidav Publ., 2012. 176 p. (In Ukrainian)
- 4 Demirdzhayeva, L. “Zapovit' Tarasa Shevchenka u perekladats'kii interpretatsii Eshrefa Shem'i-zade” [“Taras Shevchenko's 'Testament' in Translation by Eshref Shemyi-zade”]. *Naukovii visnik Uzhgorods'kogo universitetu* [Scientific Bulletin of Uzhgorod University], Series: Philology and Social Communications, issue 1 (31), 2014, pp. 88–90. (In Ukrainian)

- 5 Kandim, Yu. "Kryms'kotatars'ka literatura i Shevchenko" ["Crimean Tatar Literature and Shevchenko"]. *Shevchenkivs'ka entsiklopediia: v 6 t.* [*Shevchenko Encyclopedia: in 6 vols.*], vol. 3. Kiev, National Academy of Ukraine, T. Shevchenko Institute of Literature Publ., 2013, pp. 590–593. (In Ukrainian)
- 6 Movchaniuk, V.P. *Medytatvna liryka T.H. Shevchenka* [*Meditative Lyrics by T.H. Shevchenko*]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1993. 146 p. (In Ukrainian)
- 7 Muzafarov, R. *Anatomiia deportatsii krymskikh tatar* [*The Anatomy of Crimean Tatars' Deportation*]. Simferopol, Tarpan Publ., 2011. 168 p. (In Russ.)
- 8 Smilians'ka, V. *Shevchenkoznavchi rozmysly: zbirnyk naukovikh prats'* [*Shevchenko Studies Reflections: Collection of Research Works*]. Kiev, National Academy of Ukraine, T. Shevchenko Institute of Literature Publ., 2005. 491 p. (In Ukrainian)
- 9 *Taras Shevchenko i Krym; entsyklopedychnyi dovidnyk* [*Taras Shevchenko and Crimea: Encyclopedic Directory*], comp. H.A. Rudnyts'ky. Simferopol, Tauria Publ., 2001. 288 p. (In Ukrainian)
- 10 Chamata, N. "Dumka – Teche voda v synie more" ["A Meditation – Water Flows into Blue Sea"]. *Shevchenkivs'ka entsiklopediia: v 6 t.* [*Shevchenko Encyclopedia: in 6 vols.*], vol. 2. Kiev, National Academy of Ukraine, T. Shevchenko Institute of Literature Publ., 2012, pp. 444–446. (In Ukrainian)